

Научная статья

УДК 159.9; 316

DOI 10.25205/2658-4506-2022-15-1-66-87

Принятие ограничений в эпоху пандемии COVID-19: дискурс постматериализма, культ безопасности и другие объяснения

Николай Сергеевич Первушин

Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

nickd17@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4413-0205>

Аннотация

Пандемия COVID-19 привела к использованию разными странами небывалых ограничительных мер. Принуждение к самоизоляции, социальное дистанцирование, ограничение общения и передвижения, удаленный формат работы и учебы, локдауны, принудительная (по сути) вакцинация, обязательное ношение масок и перчаток, QR-коды, и необходимость тестирования – все это элементы новой реальности. Мы можем рассматривать такие меры как действия в чрезвычайной, критической, неопределенной ситуации, которая вынуждает человека к отказу от части своих прав и свобод ради спасения жизней. Однако наблюдаются различия по странам в плане строгости и продолжительности коронавирусных ограничений. Особенно серьезными оказались ограничения в странах Евросоюза и Дальнего Востока. Азиатские страны уже имели опыт борьбы с подобными бедствиями. Кроме того, для них характерен ряд культурных черт, который способствует лояльному принятию и соблюдению норм новой реальности. Для западных стран ограничения вступают в противоречие с базовыми принципами свободы, устройства государства, соотношения частного и общественного. Отсюда возникает необходимость осмысления феномена продолжительного отказа от части прав, свобод и практик ради идеи личной и общественной безопасности.

В статье приводятся разные возможные трактовки наблюдаемого феномена: человечество становится альтруистичнее; христианские представления о нравственности способствуют идее самоограничения для пользы обществу; представление о высокой ценности человеческой жизни; большее доверие государству и его институтам. Наиболее продуктивным с точки зрения автора представляется рассмотрение роли распространения постматериалистского дискурса в развитых странах. Идея отказа от части выгод и практик ради определенных идей и ценностей (экология, концепция устойчивого развития, разнообразие, альтруизм, социальная ответственность бизнеса и пр.) оказывается уже инкорпорированной в общественное сознание европейцев. Несогласие с этим дискурсом приводит к маргинализации ковид-диссидентов. Таким образом, в контексте пандемии COVID-19 дискурс постматериализма способствовал и введению, и принятию продолжительных чрезвычайных ограничивающих мер.

© Первушин Н. С., 2022

Материалистский дискурс, напротив, приводит к скептическому отношению к необходимости строгих карантинных мер и их неприятию.

Ключевые слова

COVID-19, пандемия, постматериализм, материализм, ковид-диссиденты, дискурс, ценности, доверие, безопасность

Для цитирования

Первушин Н. С. Принятие ограничений в эпоху пандемии COVID-19: дискурс постматериализма, культ безопасности и другие объяснения // Reflexio. 2022. Т. 15, № 1. С. 66–87. DOI 10.25205/2658-4506-2022-15-1-66-87

Acceptance of Restrictions during the COVID-19 Pandemic: Post-Materialist Discourse, the Cult of Security and Other Explanations

Nikolay S. Pervushin

Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation

nickd17@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4413-0205>

Abstract

The COVID-19 pandemic has led to the use of unprecedented restrictive measures by different countries. Forced self-isolation, social distancing, restrictions on communication and movement, remote work and study, forced (in fact) vaccination, lockdowns, mandatory usage of special masks and gloves, QR codes and the need for testing are all elements of the new reality. We can consider such measures as actions in an emergency, critical, uncertain situation that forces a person to surrender part of his/her rights and freedoms in order to save lives. However, there are differences across countries in terms of the severity and duration of coronavirus restrictions.

Restrictions in the countries of the European Union and the Far East were especially serious. Asian countries have already had experience in dealing with such disasters. In addition, they are characterized by a number of cultural features that contribute to the loyal acceptance and observance of the norms of the new reality. For Western countries, restrictions contradict basic principles of freedom, the structure of the state, the relationship between the private and the public. Therefore, the need arises to comprehend the phenomenon of prolonged renunciation of part of the rights, freedoms and practices for the sake of the idea of personal and public security.

The article presents various possible interpretations of the observed phenomenon: humanity is becoming more altruistic; Christian ideas about morality promote the idea of self-limitation for the benefit of society; the idea of the high value of human life; greater confidence in the state and its institutions. From the author's point of view, the most productive is the consideration of the role of the spread of post-materialist discourse in developed countries. The idea of renunciation of part of the benefits and practices for the sake of certain ideas and values (ecology, the concept of sustainable development, diversity, altruism, social responsibility of business, etc.) is already incorporated into the public consciousness of Europeans. Disagreement with this discourse leads to the marginalization of covid-dissidents. Thus, in the context of the COVID-19 pandemic, the discourse of post-materialism has facilitated both the introduction and adoption of prolonged emergency restrictive measures. The materialist discourse, on the contrary, leads to skepticism about the need for strict quarantine measures and their rejection.

Keywords

COVID-19, pandemic, post-materialism, materialism, covid-dissidents, discourse, values, trust, security, safety

For citation

Pervishin N. S. Acceptance of Restrictions during COVID-19 Pandemic: Post-Materialist Discourse, the Cult of Security and Other Explanations. *Reflexio*, 2022, vol. 15, no. 1, pp. 66–87. (in Russ.) DOI 10.25205/2658-4506-2022-15-1-66-87

Введение

В конце 2019 года на человечество обрушилась пандемия COVID-19, которая привела к использованию разными странами беспрецедентных мер по противодействию распространению вируса, снижению нагрузки на систему здравоохранения, сохранению жизней и здоровья населения. Руководства разных стран вводили строжайшие ограничения: контроль за перемещением, запрет на работу определенных учреждений, запрет проведения массовых мероприятий, запрет покидать определенную территорию, режим самоизоляции, социальное дистанцирование. Обязательными стали маски и респираторы; где-то требовалось носить перчатки. В дальнейшем были введены ковид-паспорта и QR-коды, которые должны подтверждать наличие антител у переболевших/привитых или отсутствие заражения. Многие категории граждан были вынуждены перейти на удаленную работу или учебу. Бизнес больше не мог функционировать в привычном формате и столкнулся с необходимостью либо адаптироваться к новым условиям, либо терпеть убытки. Больницы вынуждены были перепрофилироваться и отменять плановые осмотры.

Особенно строгими ограничения были в первой половине 2020 года, когда ситуацию пандемии коронавируса можно было охарактеризовать как ситуацию неопределенности, высокого риска или критическую. И правительства, и отдельные люди, и ученые не вполне понимали с чем именно они столкнулись, насколько серьезны последствия заражения как для отдельного человека, так и в глобальном масштабе. Этой высокой неопределенностью были вызваны многие меры, которые постфактум можно интерпретировать как избыточные или абсурдные (запрет гулять вне границ определенной территории, обязательное ношение перчаток, введение комендантского часа, использование маски в собственном автомобиле и пр.). Тем не менее это свидетельствует, что первая волна переживалась миром как масштабное всемирное бедствие, которое требует самых серьезных мер. В России с июня 2020 года антиковидные меры преимущественно ослабевали, не было строгих локдаунов, хотя вторая и третья волны оказались гораздо масштабнее как по заражаемости, так и по смертности [Our World in Data, 2022; Johns Hopkins University, 2022]. В большинстве западных стран меры ослабевали или ужесточались вновь в зависимости от текущей эпидемической обстановки вплоть до весны 2022 года [Our World in Data, 2022]. В Китае меры оставались такими же строгими вплоть до конца 2022 года – введение локдаунов, изоляция городов, районов и домов с зараженными) [Ibid.]. Мы видим разные паттерны противодействия пандемии, и необходимо объяснить это различие.

Исследовательский вопрос заключается в том, почему многие страны мира использовали продолжительные ограничения после первой волны пандемии. В особенности нас интересуют развитые западные страны, для которых вводимые ограничения номинально противоречат базовым ценностям и принципам взаимоотношений гражданина и государства. Подчинение коронавирусным ограничениям подразумевает временный отказ от части свобод (перемещения, собраний, слова, предпринимательства и пр.) и делегирование государству полномочий, которые имеют признаки авторитарного контроля и не вполне соответствуют формальным демократическим принципам. Кроме того, необходимо отразить, почему в России после относительно успешного прохождения первой волны пандемии (во вторую и третью волны уровень и заболеваемости, и смертности был существенно выше) ограничения перестали быть строгими, а их соблюдение стало опциональным [Our World in Data, 2022; Johns Hopkins University, 2022]. Важно понять, лежит ли ответственность за успехи или неудачи в борьбе с пандемией исключительно на властях той или иной страны, или же мы можем найти культурные предпосылки, приводящие к выбору определенной стратегии противодействия распространению заболевания.

В целом мы можем представить ситуацию борьбы с пандемией на индивидуальном уровне как ситуацию принесения в жертву части своих свобод, практик, желаний, привычек, в крайних случаях – источника средств к существованию ради личного и общественного блага. Человеку предлагается временно отказаться от привычного образа жизни и комфорта ради собственной безопасности, спасения жизни других людей, снижения нагрузки на систему здравоохранения и более скорого выхода страны и мира из пандемии и той новой реальности, которую она порождает. Весь мир оказался перед этой дилеммой. Казалось бы, глобальное бедствие, касающееся всех, предполагает общее скоординированное понимание ситуации и совместный поиск путей его преодоления. Но в действительности государства и люди интерпретировали ситуацию по-разному и действовали соответственно. Так, Н. Чатер описывает три стратегии государств в плане информирования населения об угрозе COVID-19: «буря в стакане воды» (вирус не так страшен, паниковать не нужно); «сдерживание потока» (принимать меры нужно, так как это снижает скорость распространения вируса и нагрузку на медицинские учреждения и дает время на разработку и внедрение в гражданский оборот вакцины); «дом в огне» (нужны незамедлительные максимально строгие ограничения) [Chater, 2020]. Для преобладающего российского дискурса, например, характерен переход от «сдерживания потока» к «буре в стакане» [Первушин, 2022], для европейских стран – преимущественно «сдерживание потока», для Китая, Японии, Кореи – скорее «дом в огне». Чем же можно объяснить такое разное восприятие ситуации и соответствующие ему ограничения?

Возможные объяснения

Восточные культуры

Для жителей большинства азиатских стран пандемия COVID-19 не стала такой неожиданностью, как для жителей европейских и американских стран, поскольку до этого многие из них уже сталкивались с распространением опасных респираторных вирусов (ближневосточный респираторный синдром, атипичная пневмония). Соответственно, многие принципы поведения и ограничения в ситуации распространения опасного заболевания уже были усвоены. Так, практика ношения масок с высокой степенью защиты в государствах Юго-Восточной Азии оторвана от эпидемической обстановки (осенью 2022 года именно студенты из Китая и Кореи продолжали носить маски в стенах университета (НГУ) и за его пределами). Идея, что мы живем в среде, где существуют опасные респираторные вирусы или где в воздухе могут содержаться опасные для здоровья примеси, была широко распространена и до текущей пандемии. Это существенно отличает страны Азии от западных стран, в которых в январе – феврале 2020 года наблюдалось нечто похожее на события фильма «Не смотрите наверх» (реж. А. Маккей, 2021), где показана сатира на действия человечества в условиях приближения кометы к Земле: нежелание замечать проблему и признавать ее, неготовность к принятию резких решительных мер, неспособность к международному сотрудничеству, распространение теорий заговора и пр.

Кроме того, само по себе относительно покорное принятие жестких контролирующих мер в Азии можно связать с такими показателями культурных измерений, как коллективизм (признание главенства общего интереса над частным), высокая дистанция власти (признание правоты начальства априори), относительно низкая индულгенция (значителен внешний социальный контроль) [Hofstede, 2015]. Такой набор характеристик располагает к интерпретации новых ограничений как правильных, справедливых и не предполагающих широкой общественной дискуссии о допустимости вмешательства государства в частную жизнь отдельных граждан и притеснения их прав и свобод. Так или иначе, именно в восточных странах последствия пандемии в плане заболеваемости и избыточной смертности оказались гораздо менее серьезными, чем в Европе и Америке [Our World in Data, 2022; Johns Hopkins University, 2022].

Экономические факторы

Для принятия мер по борьбе с распространением пандемии и обеспечения их выполнения государству необходимы и экономические предпосылки. Не во всех странах люди могут не ходить на работу, уйти на «удаленку»; не каждое государство может выделить поддержку населению для сдерживания темпов распространения вируса; не везде одинакова доступность масок, антисептиков, тестов на антитела и вакцин. Чтобы существенные каран-

тинные меры (локдауны, введение дистанционной работы или учебы) были возможными, население должно быть обеспечено гаджетами, компьютерами, высокоскоростным интернетом; существенная часть работников должна трудиться не в производственном или аграрном секторе экономики; у государства должны быть ресурсы для помощи населению, системе здравоохранения и вынужденно остановленным предприятиям.

Беднейшие страны мира не имеют возможности контролировать распространение вируса, как это делают в Европе и странах Азии [Oxfam, 2021]. Таким образом, значимость общемировой проблемы в беднейших странах нельзя интерпретировать так же, как в развитых. В условиях нехватки чистой воды и продовольствия, ограниченного доступа к медицинским услугам, бедности и распространенности других опасных болезней SARS-CoV-2 становится одним из множества рисков, которые сопровождают жизнь человека в беднейших странах Африки и Азии. Объяснимо, почему ООН считает необходимым, чтобы развитые страны поставляли вакцины в Африку, делая акцент на проблеме неравенства (обеспеченные могут защититься локдаунами, удаленной работой, качественными масками и вакцинами, а бедные рискуют постоянно)¹.

Впрочем, внутри отдельных (в том числе наиболее развитых) стран тоже существует проблема неравенства: кто-то может перейти на «удаленку», а кто-то вынужден или не работать, или терпеть убытки [Oxfam, 2021]. Отсюда возникает необходимость государственной поддержки временно неработающих предприятий и их сотрудников; например, работников бюджетной сферы и обучающихся необходимо обеспечить средствами коммуникации. Без адекватной помощи у людей, находящихся в условиях пандемии, возникает разное восприятие ситуации: кто-то действительно отказывается от части своих свобод, подстраивается под ситуацию, но продолжает работать/учиться. Другие же по сути лишаются работы или возможности получить образование. После первой волны COVID-19 и появления относительной определенности происходящего экономические риски для них оцениваются как более важные, чем риски столкновения с вирусом. Существует также неравенство в жилищных условиях, когда при дистанционной работе квартиры предлагается воспринимать как офисы (в стесненных условиях труднее работать). К. Гаазе отмечает, что из-за ограничительных мероприятий и распространения удаленной работы возникает проблема исчезновения свободного времени и праздности, которые были важнейшими правами современного человека [Гаазе, 2020]. Для одних меры могут быть спасением, а для других – катастрофой.

Религиозные факторы

Основная религия развитых стран Запада – христианство. Один из основных библейских тезисов – поступай с другими так, как хотел бы, чтобы

¹ Генсек ООН назвал недостаток вакцин в Африке мировым позором. РИА Новости. 01.11.2021. URL: <https://ria.ru/20211101/vaktsiny-1757205610.html> (дата обращения: 28.11.2022).

они поступали в отношении тебя; не поступай с другими так, как не хотел бы, чтобы они поступили в отношении тебя (золотое правило нравственности). Этот принцип присутствует и в других религиях: исламе, иудаизме, индуизме, конфуцианстве; античной философии [Апресян², 2008, с. 194–212]. Если руководствоваться этим принципом в условиях пандемии, то он прозвучит как «мы бы не хотели, чтобы нас заразили, и не хотели бы сами стать распространителем вируса для других». Отсюда можно проследить лояльность в отношении антиковидных мероприятий и атрибутов (масок, QR-кодов, прививочных сертификатов, тестов и пр.). Папа Римский Франциск назвал вакцинацию «этическим долгом» каждого и подал пример другим, хотя католики и обеспокоены этическим аспектом использования вакцины, при тестировании которой использовались «клеточные линии, полученные путем абортов»³.

Тем не менее, как это ни парадоксально, в России и Индии, например, обрядовые аспекты религии в период пандемии вступали в определенный конфликт с «золотым правилом нравственности». Церкви и обряды превратились в источник широкого распространения коронавируса, заразилось и умерло большое количество священнослужителей.⁴ В Индии фестиваль Кумбха Мела и праздник Холи посетили миллионы человек, после чего в стране заболеваемость и смертность побила рекорды.⁵ В Малайзии религиозные деятели призывали к социальному дистанцированию, но убежденность в том, что «Бог – это наш щит», спровоцировала массовые собрания с последующей вспышкой заболеваемости [Tan et al., 2022]. Наблюдалось нежелание части верующих адаптироваться к новым условиям. Вместе с тем распространялись и новые формы религиозной активности (онлайн-службы, просмотр религиозных мероприятий по телевизору, онлайн-уроки и пр.) [Newport, 2020]. Встречалось и сопротивление вакцинации, и навязывание «правильной» с религиозной точки зрения вакцины со скандальной репутацией и вопросами к наличию эффективности («ЭпиВакКорона») [Kibongani Volet et al., 2022].

Доверие государству

Недооценка угрозы пандемии или ковид-скептицизм характерны для стран с низким доверием к правительству, системе здравоохранения и государственным институтам в целом (обобщенный индекс политической поддержки), хотя есть и исключения (в Японии доверие государственным институтам низкое, но отношение к пандемии крайне серьезное) [Ценности в кризис, 2021]. Дефицит доверия к государственным институтам – препятствие для эффектив-

² Входит в реестр лиц-иноагентов в РФ.

³ Папа: «Вакцинация – это долг для всех». (Vatican News. 11.01.2021. URL: <https://www.vaticannews.va/ru/world/news/2021-01/papa-vakzinazia-eto-dolg-dla-vseh.html>).

⁴ В Москве за год умерло в три раза больше священников и монахов, чем годом ранее. (Интерфакс. 24.12.2022. URL: <https://www.interfax.ru/russia/742777>).

⁵ В Индии заявили о «коронавирусном шторме» после нового мирового рекорда. (РБК. 25.04.2021. URL: <https://www.rbc.ru/society/25/04/2021/608591939a794736cb6cb3dd>).

ного взаимодействия в таких критических ситуациях, как пандемия COVID-19 [Тартаковская, 2021]. Высокое доверие правительству и государственным институтам напротив – предпосылка для принятия коронавирусных ограничений и следования им [Ценности в кризис, 2021]. Однако строгие ограничения вводились и в европейских странах с невысоким показателем доверия правительству (Испания, Португалия, Великобритания, Греция и др.). Можно предположить, что поскольку в развитых западных странах дистанция власти невелика, зависимость политиков от общественных настроений выше. Из-за этого неадекватность властей в плане борьбы с пандемией (как недостаточная эффективность, так и избыточность ограничений) может привести к смене правящих сил на ближайших выборах. Так, Б. Джонсон и Д. Трамп подверглись критике за недостаточно серьезное отношение к пандемии, занижение степени угрозы, недостаток ограничительных мер и непоследовательность (британский премьер участвовал в вечеринке в период коронавирусных ограничений). Эти события могли послужить триггером для выбора американцами Дж. Байдена на президентских выборах, а также для отставки Б. Джонсона.

Противоречивость информации в государственных медиаресурсах, рассогласованность и непоследовательность при принятии и реализации защитных мер, подозрения в сокрытии информации еще сильнее усугубили проблему доверия к СМИ и государственным институтам в России, что в конечном счете приводит к распространению конспирологических теорий, нежеланию соблюдать ограничения и негативному отношению к перспективе вакцинации [Макушева, Нестик, 2020; Первушин, 2020].

Пассионарные этносы?

Если обратиться к широко известной и критикуемой теории Л. Гумилева о пассионарности, можно обнаружить ряд общих черт с наблюдаемым в развитых западных странах продолжительным отказом от части прав, свобод и практик в период пандемии ради общественного блага и «пассионарным этносом». Под пассионарностью понимается «избыток биохимической энергии живого вещества, порождающий жертвенность, часто ради иллюзорных целей» [Гумилев, 2001]. В контексте пандемии мы наблюдаем эту жертвенность: люди готовы изменить свою жизнь, причинить себе существенные неудобства, временно лишиться себя части привычного и субъективно важного ради идеи борьбы с COVID-19, уменьшением заболеваемости и смертности.

Тем не менее существует и ряд ограничений в интерпретации ситуации с помощью этой теории. Пандемия хотя и стимулирует смену форм активности (замена офлайн на онлайн и домашние варианты работы/образования/досуга/коммуникации) и адаптации к карантинным условиям, подразумевает чаще не всплеск активности, а ее подавление (не ходить, не посещать, не ездить, не встречаться, не собираться и пр.). Кроме того, снизить нагрузку на медицинскую систему, уменьшить количество болеющих и умирающих,

обезопасить себя и близких (личная заинтересованность), выиграть время на разработку вакцины – вполне четкие, а не иллюзорные цели. По Гумилеву, пассионариев (носителей пассионарности) в обществе много не бывает, а в ситуации борьбы с COVID-19 практически всех жителей западных стран вынуждают идти на жертвы [Гумилев, 2001]. Кроме того, он считал, что европейские народы находятся «на спаде», а Россия «на подъеме» пассионарности, но в ситуации пандемии именно европейцы продолжительный промежуток времени проявляли жертвенность, в то время как в РФ она была сопоставима по масштабу лишь в первую волну пандемии COVID-19 (до июня 2020 года). Вышесказанное не позволяет сделать вывод, что жертвенность в эпоху пандемии это проявление пассионарности.

Культ безопасности

У. Бек ввел в социологический дискурс концепцию «общества риска». Сами по себе риски существовали всегда, но современные риски вызваны скорее не естественными угрозами, а развитием человечества (опасные новые технологии без должной рефлексии последствий их использования, глобализация, повышенная мобильность людей, товаров и идей) [Бек, 2000]. Мир стал взаимосвязан и взаимозависим: экологические, военные, гуманитарные, эпидемические, экономические и иные проблемы одной части мира теперь являются проблемой для мира в целом [Там же]. За вспышкой вируса в китайском Ухане последовало продолжительное столкновение и переживание угрозы всей планетой.

Понимание мира как постоянного источника рисков и угроз влечет за собой различные меры, которые подразумевают отказ от части прежних прав и свобод. Д. Коцюбинский в работе «Новый тоталитаризм XXI века» [2022] проанализировал феномен отступления от классических западных идей о правах и свободах в сторону культа безопасности. Эту позицию разделяют Е. Шульман⁶ и Н. Беспалова: «Начиная с трагического события, 11 сентября 2001 года, современная эпоха была переформатирована проблемой обеспечения безопасности жизни. Двадцать лет спустя мы уже можем сказать, что безопасность – главная ценность XXI века» [Шульман, Беспалова, 2020]. Представления об угрозе глобального потепления и возможной экологической катастрофе «предполагают непрерывное, “24/7” самотестирование человека на предмет экологичности или, напротив, неэкологичности (“токсичности”) его повседневного поведения» [Коцюбинский, 2020]. В связи с этим необходимы объявляются борьба с изменением климата и загрязнением окружающей среды, переход на возобновляемые источники энергии и осознанное потребление [Там же]. По мнению Коцюбинского, наблюдаемые в развитых странах меры и доминирующий экологический дискурс скорее приводят к от-

⁶ Входит в реестр лиц-иноагентов в РФ.

казу от части прав и свобод ради представления о безопасности, а не способствуют реальному решению глобальных экологических проблем [Там же].

Коцюбинский анализирует случаи отказа от свобод и в других сферах, происходящие в наиболее выраженной форме в развитых странах в XXI веке [Там же]. Идея о важности безопасности в Интернете приводит к деанонимизации пользователей, блокировке нежелательных юзеров и медиаресурсов, ограничивается свобода слова и самовыражения (цензура в социальных сетях, блокировка Роскомнадзором и иными контролирующими органами определенных СМИ). Представления об общественной безопасности приводят к повсеместному внедрению сканирующих рамок и досмотров, прослушки и видеонаблюдения. Идея важности безопасности меньшинств приводит к квотированию и распределению мест в университетах и рабочих мест не по академическим и профессиональным качествам.

Коцюбинский анализирует борьбу с коронавирусом аналогичным образом: карантинные меры все больше забирают свободы и права людей ради представления о безопасности («информационный (а по сути – пропагандистский) акцент делался и продолжает делаться не столько на прагматическом решении проблем, которые уже возникли сегодня и, очень возможно, повторятся завтра, сколько на максимально быстром и полном достижении “безопасного будущего”») [Там же]. Вместе с тем многие из этих мер впоследствии признаются неэффективными. На ковид-диссидентов при этом навешивают клеймо маргиналов, штрафуют, запрещают говорить и протестовать [Там же]. За ограничениями в свободе перемещения, собрания и выборе формата работы или досуга следует ограничение свободы слова. Стоит отметить, что в выводах Коцюбинского не разделяются понятия *safety* и *security*. Первая дефиниция делает акцент на ценности сохранения жизни и здоровья себя и других, а другая – на контроле. Когда мы говорим о расходах на полицию, армию, спецслужбы и другие контролирующие институты, имеется в виду важность *security*; когда о расходах на медицину, очистке воды, заботе об условиях труда – речь о ценности здоровья (*safety*). Автор, подвергая критическому анализу отказ западных стран от свойственных им свобод в пользу контроля, скорее всего, имеет в виду *security*. Но можем ли мы представить, что в развитых странах Запада люди приняли ограничения именно ради контроля над их жизнями, а не ради ценностей здоровья, представлении о значимости жизни каждого отдельного человека?

Таким образом, современный мир предполагает повышенную рискогенность. Человек стремится преодолеть эти риски, но его усилия продуцируют новые риски с неизвестными последствиями. Различия в интерпретации рисков могут быть связаны с их количеством в той или иной среде. В странах с относительно невысоким количеством автомобильных аварий, низким уровнем преступности и насилия глобальные риски могут восприниматься как более актуальные, чем в странах, где людям приходится сталкиваться с подобными рисками ежедневно (преступность, аварии, экономические риски, вопросы

продовольствия и чистой воды и пр.). Общая рискогенность среды размывает важность отдельно взятого риска, поэтому для одних он является значимым элементом картины мира, а для других в большей степени фоновым процессом. Это же применимо и в рамках отдельных стран: богатые могут частично огородить себя от многих рисков, в частности, риска заболеть, а бедные вынуждены жить с этим [Oxfam, 2021]. О. Яницкий характеризует Россию как «общество всеобщего риска» и констатирует феномен «нормализации рисков», когда столкновение граждан со множеством рисков – часть повседневности [Яницкий, 2004].

Изменение и дифференциация восприятия «цены человеческой жизни»

По мнению Б. Кагарлицкого⁷, существует значительная диспропорция между вводимыми карантинными мерами и их последствиями (экономическими, психологическими и пр.) и опасностью вируса на уровне популяции [Кагарлицкий, 2020]. Еще никогда так долго люди не ставили безопасность выше экономических интересов. Шульман и Беспалова считают, что «человеческая жизнь стала настолько дорога, что никакое правительство в мире не может себе позволить человеческие потери, если общество считает, что их можно было бы предотвратить» [Шульман, Беспалова, 2020]. Чрезвычайно строгие меры можно интерпретировать как признание жизни и здоровья населения той или иной страны ценностями с беспрецедентно высоким приоритетом, которые стоят выше, чем экономическая целесообразность или определенные права и свободы. Эта оценка подкрепляется экономической поддержкой населения, особенно в развитых странах. Жизнь, хорошее состояние здоровья и благополучие жителей интерпретируются как ключевой источник благосостояния государства. Тезис «люди – новая нефть» реализовывался и в России, но больше в первую волну пандемии COVID-19. После июня 2020 года акцент был смещен на спасение экономики.

Также существуют достаточно циничные с гуманистической точки зрения попытки измерить стоимость жизни в той или иной стране [Keller et al., 2021]. Так, в Таиланде цена жизни оценивается исследователями в 200 тыс. фунтов стерлингов, в Великобритании – 2,4 млн, а в Германии – 12,3 млн [Stickings, Elsom, 2020]. Это можно сравнить с оценкой экономических последствий карантинных мероприятий. Исходя из таких соображений, можно заключить, что чем выше цена жизни человека в стране, тем выше экономическая обоснованность ограничений в период пандемии.

Помимо внешних аналитических оценок цены жизни и важности карантинных мер существует внутреннее осознание значимости человеческой жизни. Примерами могут служить внутренняя критика президентов Д. Трампа и Ж. Болсанару и премьер-министра Б. Джонсона из-за недостаточности коро-

⁷ Входит в реестр лиц-иноагентов в РФ.

навирусных ограничений; протесты против проведения Олимпиады в Токио в условиях карантинных мероприятий и пр.

Уменьшение насилия

В работе *The Better Angels of Our Nature: Why Violence Has Declined* С. Пинкер описывает и объясняет процесс уменьшения насилия в мире [Pinker, 2011]. По его мнению, сегодня самый мирный период в истории человечества. На данный процесс повлияли пять факторов: появление современных национальных государств, торговля, феминизация, глобализация и космополитизм, рационализация. В некоторых исключительных случаях Пинкер, тем не менее, допускает важность применения насильственных средств: «Насилие всегда плохо, если только оно не помогает предотвратить еще большее насилие» [Ibid.]. Насильственное внедрение коронавирусных ограничений может быть оправдано стремлением, чтобы как можно меньше людей столкнулись с вирусом.

Если воспринимать заражение коронавирусом как своеобразную форму насилия⁸, то предотвращение такого события – дальнейшее проявление процесса уменьшения насилия в мире. Национальное государство (Левиафан) выдвигает новые правила жизни в ковидной реальности и следит за их выполнением с использованием наказаний (штрафы) и поощрений (государственная поддержка, обоснование моральности ограничения). Наказания могут быть настолько суровыми, что даже при несогласии с этими правилами (убежденность, что вирус не столь опасен и меры нужно отменить) человеку как рациональному агенту выгоднее соблюдать регламент. Технологический прогресс обеспечил возможность перехода на удаленные формы занятости и обучения; расширились возможности онлайн-доставки и других услуг; развитие мирной торговли способствует кооперации ради достижения общей цели (все выполняют требования, и это должно приближать к выходу из острой фазы пандемии). Дискурс феминизма культивирует избегание вовлечения в опасные рискованные ситуации («самки предпочитают держаться в стороне от рискованных предприятий, которые могут оставить их детей сиротами») [Ibid.]. Космополитизм приводит к тому, что «наше собственное благополучие теперь так тесно зависит от благополучия окружающих и наоборот», поэтому человеку некомфортно находиться в среде, где люди массово заражаются, попадают в больницы и умирают [Ibid.]. Рационализация подразумевает поиск решения проблемы с помощью науки и рационального мышления. В период пандемии большой авторитет и власть получили эпидемиологи, вирусологи и врачи; Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) и другие организации и институты. Предполагается, что в вопросах распространения вирусов и лечения

⁸ В начале пандемии в РФ вводилась уголовная и административная ответственности для нарушителей карантина, невыполнение санитарных и эпидемиологических правил, распространение фейков о коронавирусе.

болезней, эти категории специалистов должны ориентироваться лучше, чем традиционные лидеры мнений – политики, священники, актеры, певцы, спортсмены, блогеры и т. д.

В период пандемии некоторые страны показали, что они «становятся лучше» (развитые), избегая насилия в форме заражения окружающих; другие временно становились лучше, а потом откатывались назад (прекращение строгих мер после первой волны); у третьих «улучшения» не наблюдалось (беднейшие). По-видимому, экономические условия (благополучие, удовлетворенность базовыми потребностями) – важная предпосылка для реализации тезиса Пинкера об улучшении людей.

Материализм и постматериализм

Р. Инглхарт ввел в научный оборот термин «постматериализм», под которым подразумевается переход от свойственных капиталистическому обществу материальных ценностей (доходы, потребление, безопасность) к доминированию ценностей свободы, самовыражения, заботе об окружающей среде, равенстве и пр. [Inglehart, 1977]. Постматериалисты – осознанные потребители: они не хотят, чтобы товар вредил экологии, ухудшал здоровье работников завода или жителей прилегающей территории, они стараются продлить жизнь предмета или отдать его на переработку. Их волнуют проблемы неравенства, дискриминации меньшинств [Ibid.]. Для постматериалистов важно сохранить планету для будущих поколений, им близка так называемая концепция устойчивого развития. Она подразумевает экологически рациональное использование ресурсов, направленное на сохранение планеты и возможность удовлетворять потребности будущих поколений [United Nations General Assembly, 1987]. Постматериалисты смотрят на современность как будто из будущего. Одним из идейных продолжений этого течения является концепция лонгтермизма, предложенная британским философом У. МакАскиллом [MacAskill, 2022]. Основная идея: человек должен жить сегодня, не исходя из текущих интересов и приоритетов, а исходя из приоритета будущих поколений [Ibid.]. Для лонгтермистов неприемлемыми оказываются практически любые глобальные риски [Ibid.]. Подобное видение мира в значительной степени демонстрируют И. Маск и Б. Гейтс, деятельность которых связана с беспокойством по поводу изменения климата и перспектив выживания человечества.

Одной из центральных проблем постматериалистов сегодня является борьба с глобальным потеплением. Их борьба сталкивается с интересами материалистов внутри своих стран и в глобальном масштабе. Пока беднейшие страны думают о собственном выживании сегодня, им трудно думать о будущих поколениях и выживании планеты.

Р. Инглхарт и К. Вельцель предложили для международных сравнений использовать диаграмму, содержащую две шкалы: «выживание vs самовыражение» и «секулярные vs рациональные ценности» [Inglehart, Welzel, 2005].

Они обнаружили различия между стран: более всего постматериализм распространен в протестантской Европе и англоязычных странах, менее всего – в странах Африки и азиатских исламских государствах [Ibid.]. Россия относится к смешанному типу: для нее актуальны рационализм и ценности выживания [World Values Survey, 2022]. Выраженный постматериализм оказывается характерен для стран, в которых жители не озабочены вопросами выживания, поиском средств к существованию и пр. При этом относительно высокий уровень доходов не обязательно ведет к распространению постматериализма (Катар, Саудовская Аравия) [Ibid.].

World Values Survey (WVS, всемирный обзор ценностей) предлагает не диаграмму, а индекс постматериализма, состоящий из четырех компонентов: 1) автономия (независимость и воображение), 2) равенство (между мужчинами и женщинами в сфере образования, политического лидерства и руководства предприятиями), 3) выбор (сексуальные, брачные и репродуктивные установки) и 4) голос (свобода слова, участие граждан в политике и местном самоуправлении) [World Values Survey, 2022; Вельцель, 2017]. Исследование 2017–2022 годов показало, что в России 51,8 % – материалисты, 41,7 % относятся к смешанному типу и 3,5 % – постматериалисты (это один из самых низких показателей среди всех обследуемых стран) [Ibid.]. Для сравнения: в Италии: 20,8 % материалистов, 57 % – смешанный тип, 17,3 % – постматериалисты [Ibid.]. Заметно преобладание смешанного типа и постматериалистов в странах Западной Европы, США, Канаде, Австралии и Новой Зеландии. В целом по выборке преобладает смешанный тип, что говорит о постепенном распространении дискурса постматериализма и в других странах.

В исследовании WVS присутствуют и другие вопросы, позволяющие проанализировать страны в плане их отличий по оси «материализм vs постматериализм». Так, респондентам предлагалось выбрать, что важнее: защита окружающей среды или экономический рост и создание новых рабочих мест [Ibid.]. Защиту окружающей среды предпочли 71,2 % исландцев, 44,5 % россиян, 67,7 % грузин, 69,2 % колумбийцев, 68,2 % китайцев, что в целом свидетельствует о распространении постматериалистской идеи о важности спасения планеты [Ibid.]. Инглхарт установил, что постматериализм сильнее выражен у более молодых поколений, поэтому с течением времени, вероятно, будет происходить все большее распространение постматериализма в разных обществах [Inglehart, 1977].

Еще один вопрос предполагал выбор наиболее важных целей для страны: высокий уровень экономического роста, сильная армия, свобода слова и попытка сделать наши города и сельскую местность привлекательнее [World Value Survey, 2022]. В России 47,2 % опрошенных выбрали как главную цель экономический рост; 32,1 % – армию; 15,4 % – свободу слова; 2,8 % – желание облагородить города и сельскую местность [Ibid.]. Это говорит о доминировании в РФ материалистской установки с акцентом на экономическом благополучии и безопасности (security). Для сравнения: в Швейцарии экономический

рост выбрали 28,3 % респондентов; армию – 7,2 %; свободу слова – 43,1 %; желание облагородить окружающую обстановку – 17,4 % [Ibid.]. Очевидна бóльшая относительно РФ выраженность постматериалистских установок. Таким образом, масштабное лонгитюдное исследование WVS дает представление о том, что дискурс постматериализма внедряется в разные страны все больше, однако сильна и дифференциация между странами.

Исследователи ВШЭ выявили, что успех распространения вакцинации в той или иной стране связан с распространенностью постматериализма в ней ($r = 0,7$) [Ценности в кризис, 2021]. Другая команда исследователей из ВШЭ обнаружила, что те, для кого характерны просоциальные ценности, более восприимчивы к информации о том, что вирус имеет опасность для окружающих [Chmel et al., 2021]. Для тех, кто не разделяет просоциальные ценности, значимой для соблюдения всех ограничений оказывается информация, что вирус опасен непосредственно для них самих [Ibid.]. Акцентирование в СМИ на высоких рисках для здоровья при заражении ведет к усиленной поддержке антиковидных мероприятий и неадекватно высокой оценке летальности вируса, что, по мнению авторов, создает угрозу для демократии в самых разных странах [Ibid.]. Здесь мы можем прийти к умозаключению, что российские государственные СМИ вели не вполне адекватную и эффективную кампанию по освещению проблемы пандемии COVID-19, поскольку транслируемый дискурс носил успокаивающий характер («не стоит бояться вируса») и апеллировал к просоциальным ценностям («сиди дома – спасай жизни»). В обществе с низкой распространенностью постматериализма это воспринимается как повод для пренебрежительного отношения к ограничительным мерам, возможности заразиться и стать источником заражения для других. Такая искаженная картина мира приводит к недовольству коронавирусными ограничениями и их игнорированию, митингам против онлайн-обучения, нежеланию вакцинироваться, распространению конспирологических версий происходящего («вируса нет, над нами ставят эксперименты и хотят установить тотальный контроль») [Первушин, 2020]. Среди прочих факторов это привело к тому, что Россия стала одним из мировых лидеров по абсолютному (второе место после Индии) и относительному показателям (второе место после Болгарии) избыточной смертности (только за два первых года пандемии избыточная смертность в стране превысила 1 млн человек) [Our World in Data, 2022; Johns Hopkins University, 2022].

Данные исследований показывают, что дискурс постматериализма способствует одобрению коронавирусных ограничений. Безопасность (safety) для себя, окружающих и вообще в мире – приоритетная ценность в этом дискурсе, глобальная проблема, ради которой временно стоит отказаться от части своих прав, желаний и свобод.

Подобное поведение – характерный атрибут постматериализма. Происходит отказ от невозобновляемых, «грязных» и опасных источников энергии,

переход на использование электромобилей, сортировка мусора.⁹ Идеи о равенстве и необходимости разнообразия приводят к отказу от оценки работника исключительно по его профессиональным качествам. Голливудская индустрия должна транслировать важность идеи разнообразия, поэтому кастинг предполагает квотирование. Высокие налоги и увеличение поддержки партий «зеленых» в странах Евросоюза – косвенное проявление постматериализма, ведь предполагается, что налоги идут на общественные блага. Так или иначе, постматериалистский дискурс содержит в себе возможность и даже необходимость ставить некие общественные или глобальные интересы выше собственного комфорта и привычного образа жизни. Отсюда проистекает широкое одобрение антиковидных ограничений в странах, где широко распространен постматериализм.

Сопротивление этому дискурсу может быть опасно в таких странах. Владельцы «грязных» производств будут либо платить гигантские штрафы, либо закрываться. Те, кто отрицает важность феминизма и борьбы с изменением климата, как минимум подвергнутся социальному неодобрению. Ковид-диссиденты и ковидоскептики будут восприниматься как маргиналы. Так, итальянский философ Дж. Агамбен критиковал то, как серьезно мир реагирует на вирус с относительно невысокой летальностью, вакцинацию и введение «зеленых паспортов», что вызвало всплеск негативных комментариев в его адрес среди западных интеллектуалов (Жижек, Браттон, Сотирис и пр.) [Агамбен, 2021; Тороева, 2021]. Дискурс постматериализма в развитых западных странах становится социальным фактом, имеющим внешнюю принудительную силу и контролирующим индивидуальное поведение [Дюркгейм, 1995].

В России подобные выступления не встречают широкого порицания. Напротив, популярны выступления доктора А. Мясникова, политолога С. Белковского, экономиста С. Делягина и других, кто критикует строгие ограничения, порицает западные страны за еще более серьезные меры, занижает угрозу опасности встречи с вирусом. В риторике активно применяются термины «ковидобесие», «коронабесие», «популярная болезнь», «намордники», «шмурдяк», которые демонстрируют близость к ковид-диссидентству. Широкий одобрительный отклик получило анонимное «письмо бельгийских врачей», призывающее к отмене карантина и признанию его более вредным, чем вирус. Даже среди просвещенной российской общественности наблюдается довольно настороженное отношение к введенным из-за коронавируса ограничениям, что можно наблюдать в сборнике «Прощай, COVID?» [Гаазе, 2020], упомянутой нами в начале статьи работе Коцюбинского [2022] и наиболее рейтинго-

⁹ Примечательно, что в результате локдаунов и других ограничений уменьшилось потребление электроэнергии, улучшилось качество воздуха, снизился уровень шума в Мировом океане, так что массовый переход на удаленную работу и учебу не только препятствует распространению вируса, но и помогает базовой цели постматериалистов – решению экологических проблем (Coronavirus pandemic leading to huge drop in air pollution. The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/environment/2020/mar/23/coronavirus-pandemic-leading-to-huge-drop-in-air-pollution?fbclid=IwAR3nIZyRuunqa3JuhFCQOeY75pkwZ7Ky-ocW8QCMpdqkc545c4h0bB31cB0>).

вых отечественных философских журналах. В этом можно усмотреть преобладание материалистского дискурса среди отечественных мыслителей.

Заключение

Мы попытались объяснить феномен принятия или неприятия передачи части прав и свобод ради борьбы с пандемией COVID-19. Нельзя объяснить происходящее каким-то одним фактором, скорее речь идет об их сочетании. Наиболее содержательными оказываются объяснения, учитывающие культурные измерения, экономические факторы и распространенность материализма/постматериализма в том или ином обществе. Дискурс постматериализма оказывается важен для следования новым правилам, но в обществах с неудовлетворенными базовыми потребностями он не наблюдается. Для выбора способа информирования населения о пандемии оказывается важен учет ценностных предпочтений аудитории.

В контексте пандемии наличие представления о важности жертвенности ради достижения значимой глобальной цели имело функциональный характер. Эта готовность отказа от части важного и привычного одновременно является и силой общества, и представляет потенциальную опасность для него. Можем ли мы быть уверены, что некая глобальная цель всегда обоснована? Не рискуем ли мы в будущем жертвовать правами, свободами и комфортом просто потому, что так принято и заложено в дискурсе?

Список литературы

Агамбен Дж. Граждане второго сорта. Центр политического анализа [Электронный ресурс]. URL: <https://centerforpoliticsanalysis.ru/position/read/id/grazhdane-vtorogo-sorta> (дата обращения: 28.11.2022).

Апресян Р. появлении понятия «золотое правило» // *Этическая мысль.* 2008. № 8. С. 194–212.

Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М. Прогресс-Традиция, 2000.

Вельцель К. Рождение свободы. М.: ВЦИОМ, 2017.

Гаазе К. COVID-19 и будущее свободного времени // *Прощай, COVID?* / Под ред. К. Гаазе, В. Данилова, И. Дуденковой, Д. Кралечкина, П. Сафронова. М.: Издательство Института Гайдара, 2020.

Гумилев Л. Этногенез и биосфера Земли. СПб.: Кристалл, 2001.

Дюркгейм Э. Социология, ее метод, предмет и предназначение. М.: Канон, 1995.

Кагарлицкий Б. Виноват ли вирус? // *Прощай, COVID?* / Под ред. К. Гаазе, В. Данилова, И. Дуденковой, Д. Кралечкина, П. Сафронова. М.: Издательство Института Гайдара, 2020.

Коцюбинский Д. «Новый тоталитаризм» XXI века. Уйдет ли мода на безопасность и запреты, вернется ли мода на свободу и право? СПб.: Стратегия, 2022.

Макушева М., Несник Т. Социально-психологические предпосылки и эффекты доверия социальным институтам в условиях пандемии // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 6. С. 427–447. doi 10.14515/monitoring.2020.6.1770

Моргунов Б., Тельнова И., ЩигOLEB Б. Анализ влияния пандемии новой коронавирусной инфекции на загрязнение атмосферного воздуха и снижение выбросов загрязняющих веществ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hse.ru/mirror/pubs/share/377998000.pdf> (дата обращения: 28.11.22).

Первушин Н. «Двойные послания» (double bind) в российских медиа в период эпидемии COVID-19 // Reflexio. 2020. Т. 13, № 2. С. 44–65. doi 10.25205/2658-4506-2020-13-2-44-65

Первушин Н. Медиа-сфера в период пандемии COVID-19: региональные и дискурсивные различия в установлении повестки дня // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 3. С. 277–300. doi 10.14515/monitoring.2022.3.1984

Тартаковская И. Доверие перед лицом пандемии: в поисках точки опоры // Социологический журнал. 2021. Т. 27. № 2. С. 68–89. doi:10.19181/socjour.2021.27.2.8087

Тороева Д. Народ против Агамбена: Что превратило модного философа в опасного фрика? [Электронный ресурс]. URL: <https://gorod-812.ru/narod-protiv-agambena-cto-prevratilo-modnogo-filosofa-v-opasnogo-frika/> (дата обращения: 28.11.2022).

Ценности в кризис. Проект «Динамика ценностей и установок в период пандемии COVID-19 в сравнительной перспективе» [Электронный ресурс]. URL: https://www.hse.ru/data/2021/10/05/1460516987/Human_Capital_NCMU_Digest_2_Values_In_Crisis_2021.pdf (дата обращения: 28.11.2022).

Шульман Е., Беспалова Н. Nation States в условиях пандемии // Прощай, COVID? / Под ред. К. Гаазе, В. Данилова, И. Дуденковой, Д. Кралечкина, П. Сафронова. М.: Издательство Института Гайдара, 2020.

Яницкий О. Россия как общество риска: методология анализа и контуры концепции. Общественные науки и современность. 2004. № 2. С. 5–15.

Chater N. (2020). Facing up to the uncertainties of COVID-19. *Nat Hum Behav*. 4, 439. URL: <https://www.nature.com/articles/s41562-020-0865-2> (accessed: 28.11.2022)

Chmel K, Klimova A, Savin N. The effect of risk framing on support for restrictive government policy regarding the COVID-19 outbreak // *PLoS ONE*. 2021. No. 16(10). P. e0258132. doi 10.1371/journal.pone.0258132

COVID-19 Dashboard by the Center for Systems Science and Engineering (CSSE) at Johns Hopkins University (JHU) [Online]. URL: <https://origin-coronavirus.jhu.edu/map.html> (accessed on: 28.11.2022)

Excess mortality during COVID-19. *Our world in Data* [Online]. URL: <https://ourworldindata.org/excess-mortality-covid> (accessed on: 28.11.2022)

Inglehart R. *The Silent Revolution*. Princeton University Press, 1977.

Inglehart R., Welzel C. Modernization, Cultural Change, and Democracy: The Human Development Sequence. Cambridge University Press, 2005, p. 57.

Hofstede G. Dimension Data Matrix [Online]. URL: [http:// www.geerthofstede.nl/](http://www.geerthofstede.nl/) (accessed on: 28.11.2022)

Keller E, Newman J, Ortmann A, Jorm L., Chambers G. (2021). How Much Is a Human Life Worth? A Systematic Review // *Value Health*. 2021. Vol. 24, no. 10. Pp. 1531–1541. doi 10.1016/j.jval.2021.04.003

Kibongani Volet A., Scavone C., Catalán-Matamoros D., Capuano A. Vaccine Hesitancy Among Religious Groups: Reasons Underlying This Phenomenon and Communication Strategies to Rebuild Trust // *Front. Public Health*. 2022. No. 10. P. 824560. doi: 10.3389/fpubh.2022.824560

MacAskill W. What We Owe the Future. London: Oneworld Publications, 2022.

Newport F. Religion and the COVID-19 Virus in the U.S. [Online]. URL: <https://news.gallup.com/opinion/polling-matters/307619/religion-covid-virus.aspx> (accessed on: 28.11.2022)

Pinker S. The Better Angels of Our Nature: Why Violence Has declined. New York: Viking Books, 2011.

Stickings T., Elsom J. What is a British life worth (and why is it just one fifth of a German's?) £2.4million a person is key number in calculating when to leave lock-down // *Daily Mail*, 2020 [Online]. URL: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-8253381/Value-life-compared-world-amid-coronavirus-crisis.html> (accessed on: 28.11.2022).

The Inequality Virus [Online]. URL: <https://webassets.oxfamamerica.org/media/documents/The-Inequality-Virus-English.pdf> (accessed on: 28.11.2022) doi 10.21201/2021.6409

Ting R. S.-K., Aw Yong Y.-Y., Tan M.-M., Yap C.-K. Cultural Responses to Covid-19 Pandemic: Religions, Illness Perception, and Perceived Stress // *Frontiers in Psychology*. 2021. Vol. 12. doi 10.3389/fpsyg.2021.634863

United Nations General Assembly. Report of the World Commission on Environment and Development: Our Common Future [Online]. URL: <https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/5987our-common-future.pdf> (accessed on: 28.11.2022).

EVS/WVS. – European Values Study and World Values Survey: Joint EVS/WVS 2017-2022 Dataset (Joint EVS/WVS). JD Systems Institute & WVSA. Dataset Version 4.0.0. [Online]. URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSEVSjoint2017.jsp> (accessed on: 28.11.2022). doi 10.14281/18241.21

References

Apresyan R. About the emergence of the concept of “golden rule”. *Jeticheskaja mysl'*, 2008, no. 8, pp. 194–212. (in Russ.)

Agamben G. Second Class Citizens [Online]. URL: <https://centerforpoliticsanalysis.ru/position/read/id/grazhdane-vtorogo-sorta> (accessed on: 28.11.2022). (in Russ.)

Beck U. Obshhestvo riska. Na puti k drugomu modernu [Risk Society. Towards a New Modernity]. Moscow, Progress-Tradition, 2000. (in Russ.)

Chater N. Facing up to the uncertainties of COVID-19. *Nat Hum Behav.*, 2020, no. 4, p. 439. URL: <https://www.nature.com/articles/s41562-020-0865-2> (accessed on: 28.11.2022).

Chmel K, Klimova A, Savin N. The effect of risk framing on support for restrictive government policy regarding the COVID-19 outbreak. *PLoS ONE*, 2021, no. 16(10): e0258132. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0258132>

COVID-19 Dashboard by the Center for Systems Science and Engineering (CSSE) at Johns Hopkins University (JHU) [Online]. URL: <https://origin-coronavirus.jhu.edu/map.html> (accessed on: 28.11.2022)

Durkheim E. Sociologija, ee metod, predmet i prednaznachenie [Sociology, its method, subject and destination]. M.: Kanon, 1995. (in Russ.)

Excess mortality during COVID-19 [Online]. Our world in Data. URL: <https://ourworldindata.org/excess-mortality-covid> (accessed on: 28.11.2022).

EVS/WVS. – European Values Study and World Values Survey: Joint EVS/WVS 2017-2022 Dataset (Joint EVS/WVS). JD Systems Institute & WWSA. Dataset Version 4.0.0. [Online]. URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSEVSjoint2017.jsp> (accessed on: 28.11.2022). doi 10.14281/18241.21

Gaaze K. COVID-19 and the future of leisure time. In: *Goodbye COVID?* Ed. K. Gaaze, V. Danilov, I. Dudenkova, D. Kralechkin, P. Safronov. M.: Publishing house of the Gaidar Institute, 2020. (in Russ.)

Gumilyov L. Ethnogenesis and the Earth's biosphere. St. Petersburg: Crystal, 2001. (in Russ.)

Inglehart R. The Silent Revolution. Princeton University Press, 1977.

Inglehart R., Welzel C. Modernization, Cultural Change, and Democracy: The Human Development Sequence. Cambridge University Press, 2005, p. 57.

Hofstede G. Dimension Data Matrix [Online]. URL: <http://www.geerthofstede.nl/> (accessed on: 28.11.2022).

Kagarlitsky B. Is the virus to blame? In: *Goodbye COVID?* Ed. K. Gaaze, V. Danilov, I. Dudenkova, D. Kralechkin, P. Safronov. M.: Publishing house of the Gaidar Institute, 2020. (in Russ.)

Keller E., Newman J., Ortmann A., Jorm L., Chambers G. How Much Is a Human Life Worth? A Systematic Review. *Value Health*, 2021, vol. 24, no. 10, pp. 1531–1541. doi 10.1016/j.jval.2021.04.003

Kibongani Volet A., Scavone C., Catalán-Matamoros D., Capuano A. Vaccine Hesitancy Among Religious Groups: Reasons Underlying This Phenomenon and Communication Strategies to Rebuild Trust. *Front. Public Health*, 2022, no. 10, p. 824560. doi 10.3389/fpubh.2022.824560

Kotsiubinsky D. “New totalitarianism” of the XXI century. Will the fashion for security and prohibitions go away, will the fashion for freedom and right return? St Petersburg: Strategy, 2022. (in Russ.)

MacAskill W. *What We Owe the Future*. London. Oneworld Publications, 2022.

Makusheva M., Nestik T. Socio-Psychological Preconditions and Effects of Trust in Social Institutions in a Pandemic. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, 2020, no. 6, pp. 427–447. doi 10.14515/monitoring.2020.6.1770 (in Russ.)

Morgunov B., Telnova I., Shchigolev B. Analysis of the impact of the novel coronavirus infection pandemic on air pollution and the reduction of pollutant emissions [Online]. URL: <https://www.hse.ru/mirror/pubs/share/377998000.pdf> (accessed on: 28.11.22) (in Russ.)

Newport F. Religion and the COVID-19 Virus in the U.S. [Online]. URL: <https://news.gallup.com/opinion/polling-matters/307619/religion-covid-virus.aspx> (accessed on: 28.11.2022).

Pervushin N. Double Bind in Russian Media during the COVID-19 Epidemic. *Reflexio*, 2020, vol. 13, no. 2, pp. 44–65. doi 10.25205/2658-4506-2020-13-2-44-65 (in Russ.)

Pervushin N. The Media Sphere During the COVID-19 Pandemic: Regional and Discursive Differences in Agenda-Setting. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, 2022, no. 3, pp. 277–300. doi 10.14515/monitoring.2022.3.1984 (in Russ.)

Pinker S. *The Better Angels of Our Nature: Why Violence Has declined*. New York: Viking Books, 2011.

Schulmann E., Bespalova N. Nation States in the context of a pandemic In: *Goodbye COVID?* Ed. K. Gaaze, V. Danilov, I. Dudenkova, D. Kralechkin, P. Safronov. M.: Publishing house of the Gaidar Institute, 2020. (in Russ.)

Stickings T., Elsom J. What is a British life worth (and why is it just one fifth of a German's?) £2.4 million a person is key number in calculating when to leave lockdown [Online]. URL: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-8253381/Value-life-compared-world-amid-coronavirus-crisis.html> (accessed on: 28.11.2022).

Tartakovskaya I. Trust in the Face of a Pandemic: In Search for a Common Ground. *Sotsiologicheskij Zhurnal*, 2021, vol. 27, no. 2, pp. 68–89. doi 10.19181/socjour.2021.27.2.8087 (in Russ.)

The Inequality Virus [Online]. URL: <https://webassets.oxfamamerica.org/media/documents/The-Inequality-Virus-English.pdf> (accessed on: 28.11.2022). doi 10.21201/2021.6409

Ting R. S.-K., Aw Yong Y.-Y., Tan M.-M., Yap C.-K. Cultural Responses to Covid-19 Pandemic: Religions, Illness Perception, and Perceived Stress. *Frontiers in Psychology*, 2021, vol. 12. doi 10.3389/fpsyg.2021.634863

Toroeva D. People against Agamben: What turned a trendy philosopher into a dangerous freak? [Online]. URL: <https://gorod-812.ru/narod-protiv-agambenachto-prevratilo-modnogo-filosofa-v-opasnogo-frika/> (accessed on: 28.11.2022). (in Russ.)

United Nations General Assembly. Report of the World Commission on Environment and Development: Our Common Future. URL: <https://sustainablede->

velopment.un.org/content/documents/5987our-common-future.pdf (accessed on: 28.11.2022).

Values in crisis. Project “Dynamics of values and attitudes during the COVID-19 pandemic in a comparative perspective” [Online]. URL: https://www.hse.ru/data/2021/10/05/1460516987/Human_Capital_NCMU_Digest_2_Values_In_Crisis_2021.pdf (accessed on: 28.11.2022). (in Russ.)

Welzel C. *Rozhdenie svobody* [Freedom rising], Moscow: VTsIOM, 2017.

World Values Survey 2017–2022 [Online]. URL: file:///C:/Users/User/Downloads/F00011082-EVS_WVS_Joint_V3_0_Results_by_Country.pdf (accessed on: 28.11.2022). doi 10.14281/18241.19

Yanitsky O. Russia as a Risk Society: Methodology of the Analysis and Concept Outlines. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*, 2004, no. 2, pp. 228–229. (in Russ.)

Информация об авторе

Первушин Николай Сергеевич, ст. преподаватель кафедры психологии личности Института медицины и психологии им. Зельмана Новосибирского государственного университета, младший научный сотрудник Междисциплинарного центра прикладного анализа поведения ИМПЗ НГУ (Новосибирск, Россия)
AuthorID RSCI 806942

Information about the Author

Nikolay S. Pervushin, senior lecturer of the Section of Personality Psychology of the Zelman Institute for Medicine and Psychology of Novosibirsk State University, junior researcher of the Center for Behavior Analysis at Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation)
AuthorID RSCI 806942

*Статья поступила в редакцию 28.11.2022;
одобрена после рецензирования 15.12.2022; принята к публикации 18.12.2022
The article was submitted 28.11.2022; approved after reviewing 15.12.2022;
accepted for publication 18.12.2022*